

и притомъ съ изображеніемъ уже и самаго паденія,—видно имѣть внутреннюю связь и соотвѣтствіе съ тѣми обстоятельствомъ, на которыя, въ настоящей главѣ, указывается провозглашеніемъ паденія Вавилона, далеко еще упреждающимъ самое паденіе. Иначе непонятно было-бы—провозглашать: *паде, паде Вавилонъ градъ великій*, когда этотъ великій Вавилонъ не только еще присемъ не падаетъ, но и является въ своемъ гнусномъ великолѣпнн гораздо далѣе (въ гл. XVII), и затѣмъ уже, наконецъ, ниспровергается и падаетъ (въ гл. XIII). Но объ этомъ подробная рѣчь еще впереди. По отношенію же къ разсматриваемому мѣсту, само собою понятно, что провозглашеніе паденія Вавилона, являющагося однакоже и ниспровергаемаго много далѣе—при повтореніи того же Ангельскаго приговора о его паденіи,—указываетъ здѣсь еще не на самое паденіе Вавилона, а только назнаменовываетъ оное, какъ уже рѣшенное, но только рѣшенное, или рѣшительно предначертанное, а еще не имѣвшее въ это время совершиться въ дѣйствительности.—Глаголы Ангела и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, выражаются для насъ, конечно, уже въ самыхъ событіяхъ.

Что же это за *Вавилонъ градъ великій*?

Въ Апокалипсисѣ представляются два Вавилона. Одинъ изъ нихъ сокровенный, котораго нужно было услѣдить изъ сличенія Апокалипсическихъ образовъ съ Ветхозавѣтными изображеніями; образъ сего сокровеннаго Вавилона мы видѣли въ одной изъ сторонъ звѣрообразнаго разума, изображаемаго въ предыдущей (XIII) главѣ. Но этотъ Вавилонъ есть (какъ мы въ изслѣдованіи XIII гл. показали) только одна изъ сторонъ боготворимаго разума, совмѣщающаго въ себѣ кромѣ духа Вавилонскаго преобладанія, еще направленіе древле-Персидскаго, Еллинскаго, Сиро-Египетскаго преобладаній надъ Израилемъ. Съ симъ сокровеннымъ, составляющимъ только львообразную часть отступническаго отъ Христа разума, Вавилономъ не имѣетъ единства новое представленіе Вавилона, какъ града великаго, имѣющаго свою особую самостоятельность. Этотъ другой Вавилонъ является ниже въ такомъ открытомъ видѣ, что тайна его начертана на самомъ его челѣ: *видѣхъ жену стѣящу на звѣри червленей... и на челѣ ея написано: Вавилонъ великій... градъ есть великій.* (XVII, 3. 5. 18). О семъ то открытымъ Вавилономъ буквально повторено то же самое, что ска-

зано и въ разсматриваемомъ теперь мѣстѣ: *паде, паде Вавилонъ, градъ великій... яко отъ вина ярости любодѣянїя своего напои вся языки*. Очевидно, тождество Вавилона въ томъ и другомъ мѣстѣ. И такъ какъ тайна сего Вавилона ниже протолкована была Иоанну Богослову Ангеломъ (XVII), то мы и должны обратиться къ сему толкованію Ангельскому, чтобы узнать значеніе этого Вавилона. *Азъ ти реку, говоритъ Ангель Тайновидцу, тайну жены сея и звѣря носящаго ю... Звѣрь, егоже видѣлъ еси, бѣ и нѣсть и имать взыти отъ бездны* (ст. 7. 8). Образъ звѣря, исходящаго изъ бездны, дѣйствительно уже „былъ“ въ Апокалипсисѣ (въ XI гл.). Разсматривая этотъ образъ (XI, 7), мы видѣли, что звѣрь бездны означаетъ лживую магометанскую вѣру, которая порождена и можетъ подновляться, безъ сомнѣнїя, не иначе, какъ прямо темными силами бездны. Названіе *града великаго* встрѣчается тамъ же, гдѣ и образъ звѣря бездны (XI, 8): оно означаетъ обширно - распространенное Магометанское государство. Къ государству, основанному и держащемуся на вѣрѣ магометанской, знаменуемой звѣремъ бездны, очевидно, со всею точностію идетъ образъ жены, сидящей на звѣрѣ бездны. Если же *градъ великій* здѣсь наименованъ *Вавилономъ*, а тамъ (въ XI г.) *Египтомъ, Содомомъ и градомъ распятїя Господа нашего*; то это показываетъ только то, что Магометанскій гражданскій міръ теперь уже инаковъ, нежели каковъ былъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, когда онъ составлялъ одно дико-воинственное христовраждебное государство. И въ самомъ дѣлѣ, имя *Вавилона* даетъ намъ возможность съ точностію опредѣлить, какое именно изъ нынѣшнихъ магометанскихъ государствъ должно разумѣть въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ. Ветхозавѣтный Вавилонъ по отношенію къ тогдашней Церкви—Израилю имѣлъ въ особенности то значеніе, что Вавилоняне, опустошивъ Святую Землю и разрушивъ храмъ Іерусалимскій, держали Израиля въ Вавилонѣ—въ плѣну: въ Апокалипсическомъ Вавилонѣ, градъ великомъ, также представляется въ плѣну народъ Божій, какъ видно изъ сихъ словъ (XVIII, 4): *изыдите изъ нея* (блудницы Вавилона) *люде мои... воздадите ей, яко и та воздаде вамъ*. Такъ обр. ясно, что подъ Вавилономъ, великимъ градомъ, разумѣется такое Магометанское государство, которое держитъ у себя въ плѣну и порабоженіи Но-

ваго Израиля. Такое мусульманское государство есть, какъ извѣстно всѣмъ, именно Турція, которая держитъ въ порабощеніи, подѣ игомъ плѣннической неволи, православныхъ Востока и съ нимъ всѣ самодревнѣйшіе патриаршіе престолы Православной Церкви, и которая насильственно завладѣла всѣми святынями Востока, обращая нѣкоторыя изъ нихъ въ свои мечети, какъ храмъ Премудрости Божіей въ Константинополь, или взимая дань за допущеніе христіанъ въ другія, какъ въ Иерусалимѣ.

Зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки. Какъ эта черта относится къ означенному Вавилону? И исторически, и по существу дѣла. Исторически: ибо магометанство, дѣйствительно, при самомъ своемъ открытіи было стокомъ нечистотъ изъ остатковъ язычества и іудейства, смѣшанныхъ съ извращеннымъ христіанствомъ; впоследствии прелюбодѣйный духъ сихъ смердящихъ нечистотъ, отъ времени окрѣпшій въ силѣ своей—какъ „яростное вино блуда“, разносился по всему міру отчасти чрезъ завоевательныя движенія самихъ мусульманъ, отчасти чрезъ подвигнутыя папствомъ крестовыя походы Западной Европы. То же видно и изъ самаго существа дѣла; ибо духовное растлѣніе, какое бы ни было во всемъ мірѣ, относится по своему основному характеру или къ мертво-рабскому и безчеловѣчно-жесткому духу іудейства, духу самовозносливаго и лицемѣрнаго формализма, или къ духу своевольнаго и развратнаго язычества и вообще къ отрицанію и извращенію духа истинно-христіанскаго,— а магометанство и есть, какъ сейчасъ показано, смрадный духовный стокъ іудейства, язычества и извращеннаго до лжи христіанства. Въ этомъ отношеніи, растлѣнная область магометанскаго владычества есть, по истинѣ, духовное средоточіе или матка всемірнаго растлѣнія. Объяснимъ это изъ частнаго примѣра: прелюбодѣй или блудница изъ христіанъ, въ отношеніи къ своей нечистотѣ, суть-ли чада духовнаго Сіона—святой Церкви или скорѣе и вѣрнѣе исчадія и члены мечети сластолюбиваго магометанства? Конечно, должно признать это послѣднее, пока они не отрезвятся отъ вина любодѣянія. Такъ, дѣйствительно оный мусульманскій Вавилонъ, первенствующій въ мірѣ Ислама, *отъ яростнаго вина любодѣянія своего напои вся языки.* Въ этомъ любодѣйномъ союзѣ съ держащею православныхъ въ плѣну Портою,

въ наше время до наглядности изобличили себя и христіанскіе народы, когда (скажемъ словами одного нашего писателя) „Христіанская Европа всѣми своими силами, всею своею цивилизаціею заботливо и опасливо группировалась вокругъ варварскаго, дикаго и безсильнаго государства (т. е. вокругъ Турціи, какъ пчелы вокругъ матки), поставляя задачей всѣхъ своихъ усилій сохраненіе его безопасности и цѣлости“.

Общій смыслъ всего явленія есть слѣдующій: „когда Евангельская проповѣдь, по невидимому распоряженію Ангела или даже Самого Духа истины, получила и открыла направленіе и способы противопоставить обольщенію боготворимаго разума вѣру во Христа Бога и страхъ Его суда; тогда Господь прямо противъ усилій и мечтаній невѣрующаго разума — ниспровергнуть дѣло Божіе, — порадовалъ Свою вѣру и Церковь тѣмъ, что, по дѣйствию и распоряженію другого Ангела, оказалось было совсѣмъ рѣшеннымъ и какъ бы уже наступившимъ паденіе Турціи и освобожденіе Новаго Израиля—Православнаго Востока отъ тяжкаго ига сего новаго, любодѣйно союзнаго и съ невѣрнымъ Христу христіанскимъ міромъ, Вавилона, — хотя на самомъ дѣлѣ еще и не послѣдовало такое великое и торжественное для православнаго Христіанства событіе“. — Такъ дѣйствительно и было. Во время крайняго усиленія хульнаго безвѣрія, впрочемъ упрежденнаго даже въ самой главной области своего проявленія—Франціи громгласнымъ проповѣданіемъ вѣчнаго Евангелія, именно въ вѣкъ Екатерины, славный и у насъ горящими духомъ проповѣдниками слова Божія, каковъ, напр., митрополитъ Платонъ, именуемый тогда-же русскимъ Златоустомъ, — Божій Промыслъ съ поразительностію назнаменовалъ для Православнаго Востока освобожденіе отъ порабощенія магометанскому Вавилону, низлагаемому тогда побѣдоноснымъ Русскимъ оружіемъ. Для порабощенныхъ изъ Славянъ предначиналось отчасти самое освобожденіе. ¹⁾ Затѣмъ и объ освобожденіи Грековъ уже начертанъ былъ, такъ называемый,

¹⁾ По Кучукъ-Кайнарджійскому миру, окончившему первую турецкую войну при Екатеринѣ, Молдавія и Валахія были поставлены подъ покровительство Россіи.

греческій проэктъ. Это проэктъ разрушенія Османскаго царства съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ его возстановить Греческій Императорскій престоль, и возвести на оный одного изъ Благовѣрныхъ Великихъ Князей дома Екатерины II-ой. Первую мысль этого проэкта приписываютъ одному изъ великихъ мужей того времени—Потемкину, который въ душѣ хранилъ пламенную ревность по Православію, (что свидѣтельствуютъ письма его къ Митрополиту Платону и отчасти къ самой Екатеринѣ) и преданъ былъ этому великому замыслу всей душой. Великая Екатерина, оцѣнивъ величіе этой мысли, предприняла особенно для ея осуществленія войну съ Турціею (1787 г. 2-я Тур. война). Нѣмецкій Императоръ раздѣлялъ съ нею надежды и усилія испровергнуть этотъ Вавилонъ. Кромѣ Потемкина непобѣдимый Суворовъ былъ и готовъ, и способенъ привести дѣло къ побѣдоносному концу, сколько для того требовалось успѣховъ собственно оружія. Вмѣшательство другихъ державъ въ пользу Турціи были или замедлены или нестрашны (см. Истор. Лоренца ч. 3, отд. 2, стр. 249—254). Паденіе Турціи заранѣе считалось рѣшеннымъ... Но во всѣхъ этихъ событіяхъ мысль о испроверженіи поработившаго христіанскій Востокъ Вавилона только огласила вселенную, предоставивъ осуществленіе свое будущему. Но что, тѣмъ не менѣе, это былъ гласъ благодатно-дѣйственный, гласъ небснаго Ангела къ ободренію и оживленію Православныхъ, доказательствомъ этому служить то, что, по историческимъ изслѣдованіямъ, мысль о возможности освобожденія для православнаго Востока была какъ солнце и влага, возбудившія къ жизненному и плодотворному движенію зерно будущей независимости православнаго Востока отъ магометанскаго ига. Говоримъ это со словъ одного ученаго изслѣдователя о значеніи вышеозначенныхъ событій собственно для Грековъ: „призракъ свободы мелькнулъ слишкомъ быстро и главное слишкомъ неожиданно, чтобы Греки могли имъ воспользоваться тогда-же; но Божеству достаточно единожды открыть смертнымъ Свой ликъ, чтобы они никогда ужъ не забыли его. Мысль о возможности освобожденія была брошена между ними, надежда на помощь была подана: это были влага и солнце съ помощію которыхъ зерно греческой независимости должно было дать быстрый и сильный ростокъ. А солнце свѣтило безпрестанно и влага капала

изобильно“...¹⁾ Мы ужъ видимъ предъ собою, по крайней мѣрѣ, начальный плодъ отъ прозябанія этого зерна въ новогреческомъ королевствѣ. Но когда наступитъ время уже къ окончательному совершительному провозглашенію Свыше: *паде, паде Вавилонъ* (XVIII, 2 сл. 8 и д.); то православная Россія пусть вспомнитъ, какъ она призвана была послужить предначинательному еще оглашенію въ мірѣ этого великаго и желаннаго для Православной Церкви событія. Между этимъ предварительнымъ и послѣдующимъ окончательнымъ провозглашеніемъ разрушенія магометанскаго Вавилона должно быть глубокое внутреннее соотношеніе и соотвѣтствіе, когда то и другое выражено Откровеніемъ въ однихъ и тѣхъ-же словахъ: *паде, паде Вавилонъ*. Если православная Россія послужила оправданію событіями перваго предначинательнаго возглашенія, какъ выше показано, то чрезъ это самое она ужъ призывается къ живому и твердому содѣйствію въ исполненіи окончательнаго приговора о паденіи Вавилона. Въ совершившихся прежде событіяхъ она должна найти предначертаніе и урокъ для послѣдующихъ своихъ дѣйствій, утверждаемые для нея Божественнымъ Откровеніемъ и Промысломъ—предначертаніе споспѣшествовать суду и дѣлу Божію, урокъ братья за это дѣло вѣры съ твердостью рѣшительною и съ руками, очищенными отъ вавилонскихъ сквернъ...

Новое явленіе, направленное къ обличенію и осужденію гибельнаго господства звѣрообразныхъ враговъ, таково: *И третій Ангелъ въ слѣдъ его иде, глаголя гласомъ великимъ: иже аще кто покланяется звѣрю и иконѣ его и пріемлетъ начертаніе на чель своемъ или на ружь своей: и той имать пити отъ вина ярости Божіей, вина вліянна, неразворенна въ чашѣ гнѣва Его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ ангелы святыми и предъ Агнцемъ. И дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ: и не имуть покоя день и ночь поклоняющіися звѣрю и образу его, и пріемлющимъ начертаніе имени его. Здѣсть есть терпѣніе святыхъ, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и вѣру Іисусову (9—12).*

Частныя понятія, даже и самыя загадочныя, какъ напр., *икона* или образъ звѣря, *начертаніе имени его* и др. были уже изъяснены выше, при изслѣдованіи (XIII-ой гл.) *Звѣрь*—вѣрующій въ самого себя или самообожжаемый разумъ

¹⁾ Щебальскаго статья въ Августовской кн. Русскаго Вѣстника 1866 г.: „Восточный вопросъ и дипломатія“.

человѣческой; *образъ зѣря*—образованіе, развитое изъ началъ и по духу лжеименнаго разума; *имя зѣря*—*ἀλοβάτης*, отступникъ отъ Христа; отсюда, принять *начертаніе имени его*—значить сдѣлаться открытымъ отступникомъ отъ Христа; принять просто *начертаніе зѣря* или *на руки* или *на чель*, значить отпечатлѣть или въ образѣ мыслей, или въ правилахъ и образѣ внѣшней дѣятельности духъ и начало вѣрующаго собственно въ себя самого Христоотступническаго разума. Кромѣ же сихъ извѣстныхъ уже по своему значенію частныхъ должно примѣтить въ разсматриваемомъ мѣстѣ слѣдующее. Во-первыхъ, адское вѣчное наказаніе изрекается отъ Ангела не только, какъ еще грозящее поклонникамъ обоготворяемаго разума и ложной не на Христѣ Богочеловѣкъ обоснованной, образованности, но отчасти и какъ уже предназначавшееся для этихъ отступниковъ, выражающихъ вѣру вмѣсто Христа въ самовластіе разума образомъ-ли мыслей или внѣшнею дѣятельностію: *дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ* (*ἀναβαίνει* т. е. по греч. не будущее время, а настоящее) *и немутъ покоя* (*οὐκ ἔχουσι ἀναπαύειν*, опять настоящее время въ подлинномъ). Во вторыхъ, съ такимъ предъявленіемъ адскаго состоянія поклонниковъ отступническаго хульнаго разума соединяется здѣсь озлобленіе христіанъ за вѣру и вѣрность Господу Иисусу: *здѣ есть терпѣніе святыхъ, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и вѣру Иисусову*. Громогласные же глаголы Ангела должно слушать (согласно и съ другими подобными мѣстами въ Апокалипсисѣ) не иначе какъ въ самыхъ событіяхъ, совершаемыхъ подъ распоряженіемъ Ангела; а выраженіе объ этомъ Ангелѣ въ отношеніи къ прежнему: *въ слѣдъ его иде*, показываетъ, что событія, означенныя здѣсь въ ангельскихъ глаголахъ, долженствовали открыться вслѣдъ за событіями, прознаменовавшими ниспроверженіе Турціи—этого Вавилона великаго, держащаго въ плѣну Израиля Божія.—Православный Востокъ. Соединивъ всѣ раскрытыя нами частности явленія, очевидно получаемъ слѣдующій общій смыслъ явленія: „вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ отношеніи къ Турціи раздался-было слышныи вѣрѣ оный гласъ Ангела: *паде Вавилонъ*,—должны были по нарочитому распоряженію особеннаго Ангела, совершиться въ отношеніи къ христоотступничеству такія событія, которыя были бы явнымъ предначатіемъ и образомъ адскаго наказанія отсту-

пившихъ отъ Христа поклонниковъ лжеименнаго разума и звѣровидной образованности, оказывающихся такими по образу-ли мыслей своихъ или по духу внѣшней дѣятельности; но при этомъ имѣло открыться также поприще злостраданія христіанъ за вѣру и вѣрность Господу Иисусу“. И дѣйствительно, прямо вслѣдъ за событіями по Греческому проекту,— безпорядки, злодѣянія, ужасы французской революціи,— этаго исчадія лжеименнаго разума, по истинѣ представляли (сколько можно видѣть и изъ однихъ историческихъ описаній) видъ и предначатіе адскаго погибельнаго состоянія боготворителей разума, торжественно и всенародно отступившихъ отъ Христа. Въ то же время и здѣсь же одно благоговѣйное упоминаніе имени Божія подвергало суду и осужденію; темницы наполнялись нехотѣвшими отступить отъ христіанства, ихъ бросали въ рѣки, казнили на эшафотъ и проч. И какъ примѣтно, что эти ужасы революціи уготованы были подъ распоряженіемъ Ангельскимъ. Нужно же было, чтобы король-страдалецъ революціи—имѣлъ ангельски кроткую и набожную душу и чтобы правительственныя дѣйствія самого такого короля только пролагали путь отступившему отъ Духа Христова народу къ революціи. Небесный предостерегательный и угрожающій противъ антихристіанской разумности и образованности, гласъ въ ужасахъ революціи, видно, услышала наша Екатерина II-ая, когда, пораженная сими ужасами, сказала: „бросимъ наши многоученныя книги и возьмемся за буквари“.—Исторія, изображающая этотъ адъ Французской Революціи, служить, какъ бы увѣковѣченнымъ отраженіемъ дыма адскаго мученія отступниковъ, который восходитъ во вѣки вѣковъ.

При переходѣ къ дальнѣйшимъ явленіямъ, противопологаемымъ господству въ Западно-Европейскомъ христіанскомъ мірѣ извѣстнаго звѣря, въ Іоанновомъ откровеніи представляется такое вступленіе къ симъ явленіямъ:

И слышашъ гласъ съ небесе, глаголющъ ми: напиши: блаженны мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей! глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними (ст. 13). Объяснимъ здѣсь сначала общую истину о блаженствѣ умирающихъ о Господѣ, а потомъ и особенное приложеніе сей истины къ умирающимъ о Господѣ въ извѣстное время: отнынѣ.

Умирающіи о Господѣ—это тѣ, которые умираютъ съ живою вѣрою въ Господа Иисуса и въ общеніи Его благодати: ибо обыкновенно въ семь значеніи употребляется въ Новомъ Завѣтѣ (особенно въ посланіяхъ Павловыхъ) это выраженіе, *о Господѣ*. Но о благодати Христовой, усвояемой вѣрою, таково ученіе слова Божія: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ чловѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшиися нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. II, 14). Посему кто умираетъ въ общеніи благодати Христовой чрезъ истинную вѣру, тотъ въ другую жизнь уносить съ собою даруемую отъ Христа въ силѣ Святаго Духа *ревность къ добрымъ дѣломъ*, которая въ нынѣшнемъ вѣкѣ раскрывается въ подвигахъ отверженія нечестія и мірскихъ похотей, въ цѣломудренномъ и благочестивомъ житіи, а въ будущей жизни найдетъ вѣчное успокоеніе въ явленіи славы Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или, что то же, въ блаженномъ обладаніи и наслажденіи тѣмъ самымъ безконечнымъ добромъ, къ усвоенію котораго эта ревность и возбуждается, и движется благодатию. И так. обр. по истинѣ *блаженн умирающіи о Господѣ*,—они *почіють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними въ самомъ духовномъ своемъ существѣ и силѣ*,—въ благодатной ревности, осуществляемой въ дѣлахъ. Считаемо излишнимъ распространяться о томъ, что блаженство умирающихъ о Господѣ до второго пришествія Христова будетъ предначинательное, а затѣмъ рѣшительное и полное.

Но Тайнозрителю эта тайна о блаженствѣ умирающихъ о Господѣ открыта не просто въ общемъ своемъ смыслѣ, но въ отношеніи къ умирающимъ *отнынѣ*. И сверхъ того замѣчательно, что, въ семь частномъ отношеніи взятая, эта истина открыта Іоанну съ особенною торжественностію и силою, именно—чрезъ гласъ съ неба и съ нѣкоторымъ какъ бы клятвеннымъ увѣреніемъ отъ имени Самого Духа истины съ нарочитымъ повелѣніемъ увѣковѣчить эту истину *письменемъ: и слышахъ гласъ съ небесе: напиши: блаженн мертвіи и пр. Ей, глаголетъ Духъ, да почіють* и проч. Что значить

все это? Для объясненія сего относительно умирающихъ о Господѣ *отмытъ*, надобно имѣть въ виду, что именно такое *отмытъ*, т. е. далѣе въ Апокалипсисѣ, предназначено совершиться. Далѣе слѣдуютъ одно за другимъ явленія двухъ серповъ, изъ которыхъ однимъ пожинается земля, какъ спѣлая жатва, а другимъ обрѣзывается виноградъ земли, который и брошенъ *въ точило великія ярости Божія, и испрано бысть точило*. Такъ сказано затѣмъ: *и изыде кровь отъ точила даже до уздъ конскихъ на тысячу шесть сотъ стадій*. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробности (что должно быть сдѣлано впоследствии); и безъ этого понятенъ тотъ общій смыслъ сихъ явленій, что оба серпа означаютъ нѣкоторыя чрезвычайно смертоносныя и кровопролитныя событія, имѣвшія совершиться вслѣдствіе *великія ярости Божія*. Жертвою такихъ смертоносныхъ серповъ обыкновенно и даже, можно сказать, неизбѣжно бывають вмѣстѣ пшеница и плевелы—вѣрные Господу и горделивые отступники. Но за что же смиренная вѣра и вѣрность подпадаетъ великой ярости Божіей? Зачѣмъ нечестію и отступничеству оставлять мѣсто для злорадованія, что и благочестивые подлежатъ общему съ ними убійственному серпу? Не противно-ли это неизреченной любви Господа Бога къ любящимъ Его, и даже самой Его правдѣ? Да не будетъ сего!

Какъ бы такъ предупреждаетъ небесное откровеніе подобныя недоумѣнія вѣры, и притомъ еще прежде указанія на самые серпы, изощренныя на пожатіе людей.—„Да не будетъ того, чтобы въ слѣдующія за симъ години казней и кровопролитій умирающіе съ истинною вѣрою въ Господа, входящею въ общеніе Его благодати, были сколько нибудь приравнены къ нечестивымъ отступникамъ, долженствующимъ погибнуть! Засвидѣтельствуй отъ имени Самого Духа истины и нарочито выставь на видъ въ книгѣ откровенія, что умирающіе о Господѣ хотя бы отъ серповъ ярости Божіей, на самомъ дѣлѣ, восхищаются любовію Божіею къ блаженному покою отъ здѣшнихъ подвиговъ, унося съ собою всѣ свои добродѣтели, какъ вполне усвоенное ими сокровище Христовой благодати, возжигающей въ нихъ ревность къ добрымъ дѣламъ, а за гробомъ долженствующей раскрыться сначала въ предначатіе, а потомъ и въ полноту общенія Христовой славы“.—Вотъ какимъ вступленіемъ предварены

въ Апокалипсисѣ явленія смертоносныхъ серповъ! Такъ Господь блюдетъ духовный миръ своихъ избранныхъ, ручаясь за ихъ цѣлость въ самой сѣни смертной! Разсмотримъ и самыя явленія карательныхъ серповъ.

И видѣхъ, и се облакъ свѣтелъ, и на облацѣхъ сѣдѣй, подобенъ Сыну Человѣческому, имѣя на главѣ своей вѣнецъ златъ и въ руцѣхъ серпъ остръ. И инъ Ангелъ изыде изъ храма, вопія велимъ гласомъ сѣдѣющему на облацѣхъ: послѣ серпъ твой и жни, зане исше трава (созрѣла жатва) земная. И поверже сѣдѣй на облацѣхъ серпъ свой на землю, и пожата бысть земля (ст. 14—16). Черты или видѣ, въ какомъ является здѣсь подобный *Сыну Человѣческому* и *иной Ангелъ*, соотвѣтствуютъ, безъ сомнѣнія, ихъ назначенію и распоряженіямъ, а эти послѣднія должны выражаться въ самыхъ совершающихся чрезъ ихъ дѣйствія событіяхъ; так. обр. и въ самыхъ принадлежностяхъ или чертахъ Ангела и *подобнаго сыну Человѣческому* должно видѣть и разрѣшить символы событій. *Облакъ свѣтелъ*—символь славы, и славы высшей, озаряемой отсвѣтомъ славы Божественной; такъ *облакъ свѣтелъ* *осѣни свидѣтелей* славы преображенія Христова. *Подобіе Сына Человѣческаго* есть не просто только челоуѣкообразный видѣ, въ какомъ являлись Тайнозрителю иные Ангели, и который посему не оставлялъ бы никакого отличительнаго признака въ подобномъ *Сыну Человѣческому*, такъ названномъ однакоже въ отличіе отъ иныхъ Ангеловъ (ст. 14. 15. 17. 18). Извѣстно изъ Евангелія, что Самъ Христосъ обыкновенно называлъ себя *Сыномъ Человѣческимъ*. Посему *подобный сыну Человѣческому* есть тотъ, въ комъ отображается достоинство Христова, кто по сопричастію Христова помазанія становится также Христомъ Господнимъ или Божіимъ помазанникомъ; къ такому блеску славы, каковъ *свѣтлый облакъ*, и также къ *златому вѣнцу* идетъ достоинство именно помазанника-Царя. *Облакъ свѣтелъ*, на которомъ сѣдѣтъ Божій помазанникъ-Царь, указываетъ на самый превознесенный и озаряемый отсвѣтомъ славы Вседержителя престоль сего Царя: ибо сѣдалище царственное и есть престоль. *Вѣнецъ златый* есть символъ и самая принадлежность, въ особенноти, царственного достоинства; *вѣнецъ* свойственъ также побѣдителю; увѣнчиваются еще духовно-златымъ вѣнцемъ неповиннаго страданія, и особенно страдальческой кончины, принятой въ духѣ

правой вѣры, искушенной яко золото. Приточный образъ— „пожатія серпомъ созрѣвшей земной жатвы“, употребленъ Самимъ Спасителемъ въ притчѣ о плевелахъ сельныхъ, которая Имъ изъяснена въ отношеніи собственно къ кончинѣ вѣка (Мат. XIII, 24—30. 36—43). *Жатва—кончина вѣка есть... якоже убо собирають плевелы и огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе вѣка сего. Послетъ Сынъ Человѣческой Ангелы своя, и соберутъ отъ царствія Его вся соблазны и творящихъ беззаконія* (ст. 39—41). Отсюда видно, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апокалипсиса представляется одно изъ предварительныхъ явленій и предъизображеній страшнаго суда Христова надъ *соблазнами и творящими беззаконія*. То же подтверждается и сходствомъ того, какъ, по видѣнію Іоаннову, явился подобный сыну человѣческому, съ вторымъ пришествіемъ Христовымъ: *и узрятъ—говорить о семъ пришествіи Самъ Христось—и узрятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою, какъ Царя всѣхъ созданій* (Матѣ. XXIV, 30); *и видѣхъ, говоритъ Іоаннъ, облакъ свѣтель, и на облацѣхъ сѣдѣи подобенъ Сыну Человѣческому, имѣя на главѣ вѣнецъ златъ*. — Итакъ облеченный въ подобіе Сыну Человѣческому—Христу, озаряемый отсвѣтомъ горней славы помазанникъ Божій и вѣнценосецъ является съ грозю Христова суда надъ современными соблазнами и беззаконіями, надъ враждебными отступниками отъ христіанства. По такимъ чертамъ нельзя не признать Царя именно православно-христіанскаго и могущественнѣйшаго. Если же присемъ будемъ еще имѣть въ виду выше разсмотрѣнное предуказаніе (XII, 12, 5), что проявить Христову силу и власть надъ враждебнымъ язычествомъ (духъ котораго и воспроизведенъ въ отступничествѣ поклонниковъ разума, какъ то показано въ XIII-ой гл.) предназначено именно Славяно-Русской Православной державѣ; то въ помазанникѣ, вооруженномъ грознымъ серпомъ на соблазны и Боговраждебность духа времени, узнаемъ собственно Православно-Русскаго Царя. Острый серпъ въ руцѣ его, сообразно выше раскрытому значенію—пожатія симъ серпомъ, указываетъ на изощренное противъ соблазновъ и нечестія вѣка направленіе духа и дѣятельности этого помазанника, на готовность и способы его пожинать плевелы безъ затрудненія. Впрочемъ въ вооруженномъ такимъ серпомъ помазанникѣ является

только еще *подобіе* или нѣкоторый внѣшній образъ того, что Христось назначилъ совершить чрезъ эту державу: ибо пасущимъ языки жезломъ желѣзнымъ, какимъ Христось предопредѣлилъ открыться въ Славяно-Русскомъ царствѣ (XII, 5), онъ является еще далеко ниже (XIX, 15).

Не опустимъ изъ виду того, что образъ подобнаго Христу—Сыну Человѣческому, сѣдящему на облацѣ свѣтлѣ, и вооруженнаго серпомъ противъ плевель возобновившагося языческаго духа, имѣеть внутреннюю сообразность съ слѣдующимъ Исаинымъ созерцаніемъ Самого Господа Христа: *се Господь сѣдитъ на облацѣхъ легцѣхъ и придетъ во Египетъ и потрясутся рукотворенная Египетская* (Ис. XIX, 1). Но сіе пришествіе Господа, сѣдящаго на легкомъ облацѣ, въ Египетъ для сокрушенія въ немъ идоловъ означаетъ проявленіе силы и власти Господа Христа (см. 19—25 ст. ст.), предварительно и образно еще во времена Ветхозавѣтныхъ каравшаго враждебный Израилю Египетъ и посрамлявшаго его идоловъ (ст. 17), а собственно и существенно явившагося лично въ Египетъ въ Своемъ младенчествѣ, пришедшаго сюда на облацѣхъ легцѣхъ—на живомъ Своемъ престолѣ въ рукахъ Богоматери, причемъ дѣйствительно, сокрушались и пали Египетскіе идолы, по преданію, засвидѣтельствованному великимъ Аѳанасіемъ Александрійскимъ. Такъ понимаетъ это мѣсто святой Аѳанасій,—такое разумѣніе выражаетъ святая Церковь въ своихъ цѣснопѣніяхъ. Отсюда не только открывается то, что назнаменованный въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апокалипсиса, Православно-Русскій Вѣнецъ-носецъ долженъ былъ возвеличиться и дѣйствовать во имя и силу Господа Иисуса Христа, но объясняется еще особенная тайна того, какъ онъ могъ внутренне или въ духѣ и истинѣ держаться въ подобіи Сыну Человѣческому—Христу, какъ такую благодать и, представляемый Царемъ, народъ могъ пріять и хранить, при усилившемся всюду господствѣ новоязыческаго духа. Въ духѣ православнаго Царя и, составляющаго съ нимъ единое живое цѣлое, народа Христось вселялся вѣрою и благодатію, будучи такъ сказать, носимъ и въ насъ, и отъ прираженія Иродовой кровожадности охраняемъ—*облакомъ свѣтлымъ*—ходатайствомъ за насъ самой Богоматери, которая усыновила себѣ мужественный Славяно-Русскій народъ еще при самомъ первоначальномъ возрожде-

ни его въ благодатную жизнь Православной вѣры. Этотъ даръ Богоматери намъ должно постоянно возгрѣвать въ себѣ. Благодать Христова сама по себѣ не только достаточна для нашего спасенія, но и безконечно преизбыточна (она же собственно дѣйствуетъ къ нашему спасенію и въ пресвятой Богородицѣ и во всѣхъ святыхъ). Но чтобы принять и удержать преизбыточествующую Христову благодать, для сего должно имѣть и преизбыточествующую приѣмлемость. Оскуднѣніе приѣмлемости нашей къ Христовой благодати и восполняетъ за насъ съ преизбыткомъ Благая Матерь — Пресвятая Богородица.

Объяснили мы по возможности все, касающееся подобнаго Сыну Человѣческому. Разсмотримъ теперь черты и *имого Ангела*, который *изыде изъ храма, вопія велимъ гласомъ съдѣющему на облацѣхъ: послѣ серпъ твой и жни* и проч. Храмъ есть православная Церковь: *Храмъ бо Божій святъ есть, еже есте вы*, говоритъ Апостоль вѣрующимъ. Но, конечно, не безъ особаго знаменованія о семъ Ангелѣ сказано, что онъ *изыде* просто изъ *храма* (*ἐκ τοῦ ναοῦ*). Между тѣмъ какъ, вслѣдъ затѣмъ (ст. 17), о другомъ Ангелѣ сказано, что онъ изыде изъ Церкви, т. е. изъ храма *сущаго на небеси* (*ἐκ τοῦ ναοῦ τοῦ ἐν τῷ οὐρανῷ*). И въ самомъ дѣлѣ, насколько православная Церковь разсматривается въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ и составѣ, это есть просто храмъ, могущій стоять не только въ *святѣмъ градѣ* или православно-христіанскомъ градѣ, но оставить внѣшній свой дворъ даже язычникамъ, или оглашеннымъ, или призываемымъ въ вѣру Христову: такой именно храмъ (т. е. Православную Церковь относительно внѣшняго ея устройства и состава) созерцалъ и изобразилъ Іоаннъ Богословъ въ началѣ XI-ой главы (ст. 1, 2). Но та же святая Православная Церковь, взятая въ самомъ своемъ существѣ и основанія, или въ внутреннемъ духѣ и силѣ Христовой благодати и истины, уже представляетъ въ себѣ созерцательно храмъ небесный съ небесными святыми, жертвенникомъ и проч. Такой храмъ (т. е. Православно-Апостольскую Церковь въ ея духѣ и существѣ) Іоаннъ созерцалъ и изобразилъ въ IV и V главахъ. Этотъ же самый небесный храмъ (или Православную Церковь, взятую въ отношеніи къ существу Православія, какъ оно однажды навсегда выразилось Вселенскими Соборами) видѣлъ Іоаннъ отверзшимся и указалъ явившійся въ немъ Кивотъ Завѣта

въ концѣ XI-й главы (19 с.). Итакъ *иже Ангель*, испешій просто изъ храма, есть одинъ изъ безплотныхъ блюстителей и хранителей Православной Церкви, простерпій всѣ свои дѣйствія и влїянїя къ ея благу и безопасности изъ области внѣшняго ея состава и устройства; такъ напр. Захарїи, отцу Іоанна Предтечи, явился Ангель одесную алтаря кадилаго въ храмѣ Іерусалискомъ (Лук. I, 11). Названіе же сего Ангела *иже*, тогда какъ выше указано явленіе не Ангела въ собственномъ смыслѣ, но подобнаго Сыну Человѣческому, или видимаго Божїа помазанника, показываетъ, что безплотный долженъ былъ воздѣйствовать на сего православнаго помазанника - вѣщеносца не прямо собственнымъ явленіемъ, но чрезъ кого нибудь также изъ плотоносныхъ освященныхъ служителей Православной Церкви. Выразимъ то же полиѣе, въ связи съ выше-раскрытыми мыслями о подобномъ Сыну Человѣческому: сильный православный царь, помазаніемъ освященный или облеченный въ подобіе Сына Человѣческаго, — Христа, явился съ готовою грозою на преобладающее невѣріе и буйство; *иной* же изъ освященныхъ служителей самой Церкви Православной, подъ особеннымъ водительствоиъ и чиномъ Ангельскимъ состоящїи, далъ сему помазаннику услышать и принять грозное для соблазновъ и нечестїа вѣка призваніе. *Вопїанїе Ангела велиимъ гласомъ стѣдѣющему на облацѣхъ: послѣи серпѣ твой и жни*, означаетъ, что, по горнему дѣйствію безплотнаго чрезъ чье либо посредство изъ соотвѣтствующаго Ангельскому воинству чина служителей Церкви, — призваніе пожинать соблазны и творящихъ беззаконїе весьма громко раздавалось для духовнаго слуха вѣщеносца, вооруженнаго острымъ серпомъ противъ плевель. Само собою разумѣется, что самый вѣщеносецъ созерцается здѣсь не въ чувственной своей личности, но въ духовномъ значенїи подобїа Сыну Человѣческому — Христу и озаренїа отсвѣтомъ вышней славы (какъ Православно-русскїе и понимаютъ и чувствуютъ достоинство помазанника Божїа), — и что подъ воззванїемъ Ангельскимъ: *послѣи серпѣ твой и жни*, должно разумѣть собственно къ духу сего помазанника обращенное и духу же слышное Духоносное призваніе пожинать плевелы соблазновъ и творящихъ беззаконїя, хотя достигающее до духовнаго слуха чрезъ внѣшнїя внушенїя кого либо изъ служителей Церкви.

Прииде часъ пожати, зане ише трава (жатва) земная, т. е. зло столько развилось, соблазны и творящіе беззаконія столько усилились, земное богоборное мудрованіе ознаменовало себя такими разрушительными плодами, что уже нельзя терпѣть все это безъ опасности для добра и безъ нарушенія правды; иначе порядокъ истины, вѣры, закона разстроился бы или потерялъ бы силу. Ибо какъ зрѣлость пшеницы или добра и добрыхъ состоитъ въ томъ раскрытіи перваго и усовершеніи другихъ, что они досягаютъ въ мѣру возраста исполненія Христова и готовы войти въ Его славу: такъ и зрѣлость плевель т. е. соблазновъ и беззаконниковъ и въ особенности (по свойству времени, ознаменованнаго въ разсматриваемомъ отдѣленіи Апокалипсиса) суемудраго отступничества должно состоять въ томъ, что мѣсто для оныхъ можетъ быть только въ аду, а не на землѣ, гдѣ Промысломъ еще хранится порядокъ закона и добра, есть мѣсто для вѣры и Церкви.

И положи (поверже) сѣдѣй на облацѣхъ серпъ свой на землю и пожата бысть земля. Земля, по противоположенію небу духовно-благодатнаго Христова царства Церкви, означаетъ (какъ говорить о семь и выше были случаи для насъ) всю дольную область царствъ или гражданскихъ обществъ міра сего. Посему когда говорится, что *пожата бысть земля*, то видно, что и въ самомъ устройствѣ гражданскихъ обществъ уже прозябли и развились плевелы суемудрыхъ и Боговраждебныхъ учреждений, противъ которыхъ и пущень былъ острый серпъ *сѣдѣющимъ на облацѣхъ* превознесеннаго и освященнаго свыше престола, могущественнымъ православнымъ вѣнценосцемъ. Столь дѣятельно онъ внялъ громогласному вопіанію своего призванія—пожинать созрѣвшія плевелы, въ нѣкоторое подобіе послѣдней жатвы всѣхъ плевель въ мірѣ. Впрочемъ, изображаемая здѣсь жатва еще не есть (какъ и выше было говорено) *упасеніе языковъ жезломъ желѣзнымъ*, слѣдующее еще далеко послѣ (гл. XIX), и слѣдовательно не есть еще искорененіе воспроизведеннаго и воспреобладавшаго въ христіанствѣ языческаго духа—обоженія собственнаго разума и самоволія; она принадлежитъ къ предварительнымъ и преходящимъ явленіямъ суда Божія надъ симъ страшнымъ зломъ разсматриваемыхъ временъ.

Общій смыслъ всего мѣста можно изложить уже чрезъ